

НЕРСЕС МКРТЧЯН

АРМЯНСКИЕ АРЕАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Среди других индоевропейских языков армянский обособляется также показателями множественного числа, неимеющими параллелей. Этот вопрос занимал множество специалистов, и поиски их вели к противоречивым выводам.

Одновременно нужно отметить, что отсутствие некоторых параллелей формантов множественного числа в индоевропейских языках, но наличие сходных суффиксов в неиндоевропейских, соседствующих армянскому языкам, привлекало внимание специалистов и стало материалом обсуждения с противоречивой интерпретацией. Тем более, когда принято говорить о невозможности заимствования грамматических формантов из других языковых семей или о том, что это явление крайне исключительного характера, то их трудно было подумать об их заимствованном характере.

Проблема общности словоизменительных и словообразовательных показателей языков, принадлежащих к разным языковым семьям, изучена недостаточно. Армянский язык, находящийся на стыке более трех языковых семей, обнаруживает признаки свойственные то одной, то другой языковой семье. Изучение причин морфологических изменений или влияний даст специалистам возможность в какой-то мере проследить процесс развития и взаимоотношения разных по генезису языков при длительных контактах в течение нескольких столетий.

Сходство между показателями множественного числа армянского и грузинского языков замечено было давно: занимались этим вопросом многие специалисты — Й. Карст, Н. Марр, Г. Капанцян, Р. Ачарян, А. Мурвалян и др., но их мнения об этой проблеме резко отличаются.

Й. Карст, обсуждая сходство показателей множественного числа —*er*, —*ni*, —*ni*, —*ti* (—*r*, —*ti*, —*ti*) армянского языка с аналогичными окончаниями кавказских языков, пришел к выводу, что это “результат внутренних родственных отношений”.¹

Сравнивая показатели мн. числа армянского языка $-at, -ot, -t$ ($-шш, -ош, -ш$) с грузинскими аналогичными формантами $-ti, -t$. Н. Я. Марр считает их "результатом яфетического происхождения" и в грузинском и в армянском языках.²

Г. Капанцян считает, что $-ti$ ($-шш$) — "азианического происхождения"³, а $-ani, -an$ ($-шшш, -шш$) — "частицы коллективного множественного числа", являющиеся наследием "аборигенов Армении" и потому эти же суффиксы он включает в список "азианических" частиц.⁴ По другому поводу, обсуждая суффикс $-ni$ ($-шш$) армянских топонимов типа Гарни, Арзни, Парни, Птгни, Бджни, Мугни, он заявляет, что $-ni$ — "яфетическое множественное число".⁵

Р. Ачарян, воздерживаясь от окончательного мнения о происхождении формантов $-ani$ ($-шшш$) и $-ni$ ($-шш$), и причиной этого считает "наличия сходных показателей в грузинском языке": "Трудно окончательно определить, какое происхождение имеют форманты $-ani, -ni$ ($-шшш, -шш$) армянского языка, тем более, что сходные показатели $-ani, -ni$ существуют и в грузинском языке".⁶

Здесь нужно отметить сходство другого показателя множественного числа: $-an$ ($-шш$), о происхождении которого он пишет: "Запретительную причину какую — нибудь я не нахожу выведению его от пехлевийского $-ān$ ".⁷ Р. Ачарян прав, когда отличает от $-ani$ пехлевийское заимствование $-ān$ (ср. персидский $-ān$ в именах: *mardān* "люди", *zanān* "женщины", *zadān* "свободные" и т. д.), которое употребляется в армянском лишь в некоторых словах, как например: *jān* (*đhshš*) "кони", *išan* (*hshš*) "ослы", а также в виде $-ean$ ($-шшш$) *xordean* "журавли", *mogean* "маги", *berdean* "крепости" и т. д.

В языке пушту наряду с $-ān$ мы находим также $-āni$ (вост. — пе) как суффикс множественного числа женского рода⁸, который, видимо, преобразован от $-ān + i$ и не имеет отношения к семитскому (аккадскому) суффиксу мн. числа мужского рода $-āni$.

Наличие суффикса множественного числа (e)_n в немецком языке (типа *die Knaben, die Schwestern*) дает основание подумать об их индоевропейском происхождении.

С другой стороны, существование показателя множественного числа $-ni$ также в грузинском (картвельских) языке, как например: *t'avi* — *t'avni* "головы", *deda* — *dedani* "матери", *puri* — *purni* "хлеба". *kači* — *kačni* "люди", *t'may* — *t'mayni* "волосы", *hexeni* "деревья", *matamani* "отцы", *kočor* — *kočorni* "кудри" и т. д.⁹ еще больше усложняло решение вопроса о происхождении сходных суффиксов.

В большинстве западных диалектов армянского языка распространено употребление показателя множественности — суффикса *-pi* (*-iḥ*) совместно с местоименными суффиксами *s*, *d*, *n* (*u*, *ḡ*, *i*) в словах типа *čamp 'anis* (*ծաւփաւիս*) “наши дороги”, *čamp 'anid* (*ծաւփաւիդ*) “ваши дороги”, *čamp 'anin* (*ծաւփաւին*) “их дороги” и т. д. Во множественном числе вторично добавляется *-pi* (*-ЭЗ*) к показателю множественного числа *-per* (*-Э”с*), где *-per* от *pi+er* (*ЭЗ + ”с*), например: *čamp 'anernis* (*ծաւփաւի՛րնիս*) “наши дороги” *čamp 'anernid* (*ծաւփաւի՛րնիդ*) “ваши дороги” и т. д.¹⁰

О происхождении другого суффикса мн. числа армянского языка *-ti* (*-iḥ*), который также встречается не только в грабаре, но и в многочисленных диалектах армянского языка, были следующие мнения: Г. Капанцян считает, что он “азианического происхождения”¹¹, А. Мурвалян же в своем труде “Частицы армянского языка и их отношение к грузинским и другим кавказским языкам” показывает наличие множества общих показателей между армянским и картвельскими языками. Он показывает также развитие значения этих показателей, так например, *-adi* в грузинском, имеющее значение множественности, что в дальнейшем приобретает вторичное словообразовательное значение, например: *t 'avi*—*t 'avadi* “главный”, *p 'er*—*p 'eradi* “цветной”, *puri*—*puradi* “гостеприимный, хлебосольный”, *kar-karedi* “двери”, *muxl*—*muxledi* “коленчатый” и т. д. А. Мурвалян доказывает аналогичность груз. *-ad*, *-od*, *-d* с армянским усилительным (итеративным) суффиксом глаголов итеративного значения *-at*, *-ot*, *-t* (*-иш*, *-иш*, *-иш*), например: типа *ktratel* (*կտրաւել*) “разрезывать, изрезать” (от *ktrel* (*կտրել*) “резать”, *nstotel* (*նստաւել*) “садиться, сесть—усаживаться, рассесться” (от *nstel* “сесть, сидеть”) и т. д.¹² В дальнейшем суффикс *ot-t+i* (*-иш-иш-иш*), присоединяясь к существительным, воспринимается как суффикс собирательности, как например: *oskor*—*oskroti* (*օսկոր-օսկորնի*) “кости”, *p 'or*—*p 'oroti* (*փոր-փորնի*) “кишки, внутренности”, *sak*—*sakoti* (*ծակ-ծակնի*) “дырки”, *manuk*—*mankti* (*մանուկ-մանկնի*) “детвора, младенцы”, *hin*—*hnoti* (*հին-հնոնի*) “старье”, *k'ur*—*k'urvti* (*քուր-քուրնի*) “сестры” и т. д.

Нами было показано, что показатели множественного числа армянского языка *-ani* (*-iḥ*) и *-ti* (*-iḥ*) имеют свои соответствия в семитских языках, а именно в аккадском языке: *-ani* и *-ati*¹³. Конечно, можно было указать также на арамейские параллели, аналогичные с аккадскими, которые от других семитских языков отличались суффиксальным образованием множественного числа (так называемое “правильное множественное число”) между тем как арабскому

языку, например, характерно так называемое "ломанное множественное число" или форма мн. числа внутреннего образования.

Но здесь возникают два кардинальных вопроса: 1) известны ли лингвистике аналогичные примеры заимствования в разных языках суффиксов множественного числа (или прочих словообразовательных формантов) и 2) были ли исторически возможны контакты между армянским и аккадским или арамейским языками.

Заимствование суффиксов множественного числа (и прочих суффиксов) прослеживается в ряде языков. Множество примеров можно привести из других индоевропейских языков, которые также испытали влияние арабского языка: это персидский, пушту, дари, фарси-кабули, которые заимствовали не только огромное количество арабской лексики, но и различного рода грамматические средства — служебные слова, суффиксы, префиксы, окончания и т. д. Так, в языке пушту заимствован формант множественного числа арабского языка *-āt*, который здесь употребляется не только со словами, заимствованными из арабского языка, но и с существительными, заимствованными из других языков, например: *xāhīšat* "желания" (от *xāhīš*) и т. д. Суффикс *-āt* может также образовывать новые слова от арабских существительных, например: *habarāt* "газеты"¹⁴. Или *-an* формант арабского двойственного числа, употребляется не только с арабскими словами: *farāš- farāšan* "два коня", *zouj- zoujevn* "супружеская чета", *taraf- tarafevn* "две стороны", *dovlet- dovletevn* "два государства" и т. д.

И, наконец, существовали ли длительные контакты между семитами, (а именно носителями аккадского и арамейского языков) и армянами или нет?

Доурартские контакты между населением Армянского нагорья и Междуречья не вызывает сомнения, так как они подтверждаются не только лингвистическими, но и историческими данными. Отклики этих контактов сохранились в преданиях армянского народа и были зафиксированы историками начиная с V века: это сведения о переселенцах из Междуречья в Армению — о Кисустре (Зиустр клинописных источников или Утнапиштим Шуруппакский), о родоначальнике армян Айке — выходце из Вавилонии, о братьях Адрамелех и Санасар — убийцах родного отца, нашедших убежище в Армении, о "сирийских простолюдинах", населявших Сасун и Хут, и, наконец, сведения о Санасаре и Багдасаре — героев эпоса армянского народа "Сасна црер" — мы находим у Мовсеса Хоренаци, Товмы Арцруни, Иоанна Мамиконяна, Самуела Анеци, а также в эпосе "Сасна Црер"¹⁵.

Дошли до нас и сведения клинописных источников: сообщения лазутчика Ашшурдурпани Саргону II о беженцах в Урарту, Письмо Ассархадона, Надписи Ашшурбанипала, Вавилонские хроники, "В" и т. д., а также о более ранних контактах с семитами при наличии в Малой Азии и Армянском нагорье аккадских факторий¹⁶.

Как в аккадском, так и в арамейском языке множественное число образуется в основном с помощью суффиксации (так называемое правильное множественное) и лишь в единичных случаях — с помощью внутреннего образования, характерного для арабского языка (ломаное множественное).

Форманты множественного числа в староарамейском — *ay* > и — *āt*.

а) Имена мужского рода оканчиваются на —*in* (в Status absolutus *rešin* "головы", от *reš*. В Status Constructus è Status Emphaticus вместо окончания —*in* появляется *āy*, в библейско-арамейском Status Constructus контрагируется в —*ē*, например, *b'ne* "сыновья", а в Status Emphaticus перед артиклем —*ā* сохраняется в виде —*ayyā*: *ginzayyā* "клады".

б) Имена женского рода образуются с помощью удлинения гласного —*at* > *āt*, например: *paršāt* "души", *malkāt* "царства", Status Emphaticus к этому форманту присоединяется определенный артикль —*ā*, потому — *paršātā*, *malk'wātā*.¹⁷

В новоармейских документах, в восточноарамейском языке окончания имен все те же, что и в староарамейском:

а) Для мужского рода —*e* (в восточноарамейском —*i*), от —*ē*, например: *malkē* (в урумийском диалекте —*mālki*) и —*āni*, например, *halqāni* "поля", в туройо — *ōne*, от —*ānē*: *hīsōne* "головы".

б) Для женского рода —*āti*, —*yāti*, *wāti*, в туройо —*ōte*, *yote*, *awōt*.¹⁸

Если подумать, что к армянским окончаниям —*ani*, (—*oti*) близки новоармейские окончания —*āni* и —*āti* (туройо —*ōte*) и, следовательно, заимствование этих формантов произошло при контактах армянского с новоарамейскими диалектами (а не с аккадскими), то здесь есть одна важная помеха — факт наличия этих окончаний —*ani*, — (o) *tī* еще в классическом армянском в таких словах, как *kapani* "женщины", *dnkerani* "товарищи", *awagani* "старейшины", *azatani* "свободные", *patakani* "письма", *gahoyni* "троны", *iriçti* "попы", *akrayni* "зубы", *ptñi* "фрукты", *p'ototi* "кишки, внутренности", *oskroti* "кости", *mankti* "младенцы, детвора", *hnoti* "старье", *sakoti* "дырки", *apnti* "корни,

коренья" и т. д. Меж тем новоармейские диалекты, как принято считать, образовались в средние века (с VIII в.)¹⁹. Следовательно, нужно искать более древние источники, чем новоармейские диалекты. Ими могли быть либо старо-арамейский, либо аккадские языки.

Одно из производительных окончаний множественного числа в аккадском языке для мужского рода *-āni*, например: *ilu-ilāni* "боги", *tillu-tillāni* "холмы, руины", *alu-alāni* "города", *šarru-šarāni* "цари, короли", *gittu-gittāni* "глиняные таблички", *duru-durāni* "стены" и т. д.

А для женского рода показателями множественного числа — *ati*, *-ate*, *ete* (=t) например: *girtu-girrāte* "походы, поездки", *arapp-arappāte* "камышы", *ekur-ekurāte* "храмы", *satt- (*šant) - šanāti* "года", *manū- (minu) - mīnāti* "числа", *eqlu-eqleti* "поля, пашни" и т. д.²⁰

Ссылаясь на сходные суффиксы множественного числа иранских языков, можно было подумать о индоевропейском происхождении армянского суффикса (o) *tī*. Так, В. И. Абаев, вслед за Вс. Ф. Миллером и Й. Марквартом, окончание *-ταί*, *-τοί* в скифо-сарматских племенных названиях (типа *Σαυρομαται*, *μασσαγετοί* и в греческой передаче именительный падеж множественного числа *-τ αι*, *-τ οι*) считает показателем множественности или коллективности, параллелью которого является окончание *-tæ* осетинского языка, а также *-t* других северо-восточных иранских языков: согд. *-t'*, *-t*, ягноб. *-t*, хорезм. с (из *-t*), что соответствует древнеиранскому *-tva* или *-tā*.²¹

Поскольку скифо-сарматские племена и носители других иранских языков были распространены в определенном ареале (от Гиндигуша до черного моря и малой Азии), где жили бок о бок также кавказские племена и семиты (на юге), то можно сделать вполне логичный вывод: в упомянутых соседствующих языках, принадлежащих к разным семьям, показателями множественного числа являются результатом либо ареального наследия, (или ареального воздействия), либо (что более вероятно) — заимствованиями из семитских языков в очень древние времена.

Доказательством того, что окончания *-ani*, *-ni*, (*-wñh*, *-ñh*), а также — (o) *tī* (*owñh*) древнейшие из показателей множественного числа армянского языка — может послужить тот факт, что образованные позднее показатели той же категории, как например *-er*, *-der*, (*=ni+er*) *-ñr*, *-ñdr* присоединяются к словам только после вышеупомянутых окончаний. Из этого вытекает, что показатели *-ani*, *-ni*, — (o) *tī* в какое-то время потеряли свои значения множественности и пе-

рестали осознаваться как таковые. Окаменев, они как бы слились с основами, и эти слова, представши в форме единственного числа, снова принимали теперь уже новые показатели множественности.

В многочисленных диалектах армянского языка в результате слияния двух, трех и более показателей образовались сложные формы — с тремя-четырьмя формантами множественного числа, как, например: *p'orotik'ni* (—oti+k'+ni) "внутренности", *knktik'ner* (—ti+k'+ni+er) "женщины", *k'urwtik'ner* (—wi+ti+k'+ni+er) "сестрицы", *axpertink'ner* (—ti+ink'+ni+er) "братцы", *oskrtink'ner* (—ti+ink'+ni+er) "кости" и *knantik'ner* (kani+k'+ni+er) т. д., где можно выделить следующие окончания—показатели множественности —ati, —oti, —k', —ni, —ti, —ani, —er.

Армянские древнейшие форманты множественного числа —ani, —ni, —ati, —oti, —ti полностью совпадают с аккадскими —âni, —oti, —ati, (—ti) формантами, но кто от кого мог заимствовать: они скорее наследие ареального характера либо из времен родственных либо ностратических контактов?

Близки по значению также армянские суффиксы —ani (𐎠𐎡𐎴) и аккадские —ânu, ср. аккадские qaqqadânu, арм. *gagat'ani* (գագատ'անի) "головастый" (о суффиксах —an, —ani со значением "имеющий, обладающий".²²

Капанцян Г. сравнивал арм. префикс an (𐎠𐎡) с аккадским предлогом ana "на, над, в" ср. 𐎠𐎡𐎴𐎧𐎺𐎠, 𐎠𐎡𐎴𐎧𐎺. 𐎠𐎡𐎴𐎧𐎺𐎠𐎧𐎺, 𐎠𐎡𐎴𐎧𐎺, 𐎠𐎡𐎴𐎧𐎺𐎠, 𐎠𐎡𐎴𐎧𐎺𐎠 (ankotin, anori, ankarurdk', ant'pel, andetea, anbani) и арм. *əst* с аккадским *ištu*.²³

Трудно представить себе, что армянский союз и (𐎠𐎡) "у" случайно совпадает с аккадским союзом и "у" (общесемитское wa, АНw, 1397), что также случайно совпадает с модальным словом междометий армянского *ba*, *bam* (րի, րիւ) "ну, и, ладно, а" с аккадским междометием *ba*, *bam*. Ф. Делич *ba*, *bam* приравнивает к союзу и.²⁵ Но Янковская совершенно справедливо переводит его как "ладно", считая это слово междометием: "um—ma a—pa—ku—ma ba—a—am "А я сказал так: "Ну ладно...".²⁶ Также армянский *shut* րիւ (asē bam) "говорит ну и ладно", րի րիւ 𐎠𐎡𐎴𐎧𐎺 "Ну и ладно, что будем делать?". Скорее րիւ — это модальное слово.

ARMENIAN AREAL MARKERS OF PLURALITY

The paper deals with some plural suffixes of the Classical Armenian (-ani, -oti, -ati, -ti) which later were abandoned since they were not regarded as such. The new plural suffixes (-er, -ner) were attached to the forms already having the above-mentioned older suffixes.

The author offers a list of such lexical parallels in many neighboring languages which shows the origins of Armenian -ti (-ati, -oti) forms. The existence of -ani, -ate suffixed forms could be taken as a proof in favour of the idea that the corresponding Armenian and Akkadian words have had a common areal origins or the Armenian forms were Semitic loans.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Շարաւ, Հայերէն -եր, -նի, ուի, աի հոգնակերանները, Հանդէս Ամսօրհայ, 1903, No 1, էջ 10-14.
2. Н. Я. Марр, Два яфетических суффикса, -te (-ti, -t) в грамматике древнеармянского языка. Известия АН, СПб, с. 1245-1250.
3. Г. Капанцян, ИЛР (Историко-лингвистические работы), 2, Ереван, 1975, с. 232.
4. Г. Капанцян, там же, 47-48.
5. Գ. Ղափանցյան, Հարերական լիզկարանությունն ու տեսությունը, հայաստանի ԽՍՀ Պետհամալսարանի Տեղեկագիր, No 5, էջ 19, ծանոթ. 1.
6. Հ. Աճառյան, ԼՁՀԼ (Լիակատար քերականություն հայոց լիզկի), Հ. 3, Երևան, 1957, էջ 713.
7. Հ. Աճառյան, там же, ԼՁՀԼ, Հ. 3, էջ 713.
8. М. Г. Асланов, Афгано-русский словарь, Москва, 1966, с. 83.
9. Г. Капанцян, ИЛР, 2, с. 48: см. также Հ. Աճառյան, ԼՁՀԼ, Հ. 3, էջ 713.
10. Հ. Աճառյան, ԼՁՀԼ, Հ. 3, էջ 209.
11. Г. Капанцян, ИЛР, 2, с. 232.
12. Ա. Մուրվալյան, Հայերենի մասնիկները և նրանց առնչությունները վրաց և կովկասյան մյուս լեզուների հետ, Աշխատությունների ժողովածու, հ. 3, Երևան, 1949, էջ 67-300.
13. Н. А. Мкртчян, "Отклонения" от закономерностей армянского языка в свете данных аккадского языка, ИФЖ, 1979, No 4, с. 230-231.
14. М. Г. Асланов, Афгано-русский словарь, Москва, 1966, с. 23.
15. Н. А. Мкртчян, "Отклонения" от закономерностей армянского языка в свете данных аккадского языка, ИФЖ, 1979, No 4, с. 233.
16. Н. А. Мкртчян, там же, с. 233.
17. Г. К. Церетели, Арамейский язык, Тбилиси, 1982, с. 151-152.
18. Г. К. Церетели, там же, с. 190-191.
19. Г. К. Церетели, там же, с. 115, 128.

20. W. von Soden, *Grundriss Akkadische Grammatik*, Roma, 1952, §114: K. Riemschneider, *Lehbruch des Akkadischen*, Leipzig, 1969, p. 18.
21. Основы иранского языкознания, 1, Москва, 1969, с. 338–341.
22. Մուրադյան Ա., Հայերենի մասնիկների և նրանց առնչությունները վրաց և մյուս կովկասյան լեզուների հետ, Աշխ. ժողովածու, հ. 3, էջ 160–163.
23. Գ. Ղափանցյան, Ասորա-քարեական քաներ հայերենում, ՇԳԱՍ, 1945, էջ 15, 17, 251.
24. W. von Soden, *AHw*, s. 1397.
25. Deelitzsch, *AH*, 161, *Riemschnieder*, *LA*, s. 69, § 8, 14
26. Янковская Н. Клинописные тексты из Кюль-Тепе, (КТИКТ), с. 22.